

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Из истории диссертационной культуры

ОПЫТ И ТРАДИЦИИ ОППОНИРОВАНИЯ ДИССЕРТАЦИЙ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ИЗ ДИССЕРТАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ) ЧАСТЬ 2. КУЛЬТУРА И МОДЕЛИ ОППОНИРОВАНИЯ. (ПРОДОЛЖЕНИЕ¹)

Н. Н. Алеврас

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. vhist@mail.ru

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00264

Продолжая тему изучения опыта оппонирования диссертаций, в предлагаемой части публикации статьи автор делает попытку рассмотреть процедуру оппонирования как феномен университетской культуры и практику экспертизы диссертаций. В статье представлены типичные для российских университетов традиции организации диссертационного диспута как диалоговой формы ведения полемики по защищаемым диссертантом проблемам. Оппонент предстает активным началом дискуссии, задавая определенную модель сценария научного диалога. Рассмотрен опыт оппонирования известного историка В. О. Ключевского в ходе различных диссертационных диспутов, сделана попытка определения тактик и моделей его оппонирования. В основу изучения предлагаемых сюжетов положены протоколы некоторых диспутов, составлявшиеся и публиковавшиеся по инициативе представителей научной общественности. Значение имели и источники личного происхождения – дневниковые записи и переписка ученых-историков, в которых запечатлевались их восприятия полемических баталий на диспутах.

Ключевые слова: *оппонент, диссертационный диспут, университетская культура, В. О. Ключевский, протоколы диссертационных диспутов.*

¹Начало см.: [Алеврас: 2017. С. 145–161].

Опыт оппонирования как культура и практика диссертационных диспутов

В качестве отдельного элемента общего сюжета по истории института оппонентов, изучение опыта оппонирования может быть нацелено на выявление особенностей типажей оппонентов и стилей оппонирования. Хотя специальных задач по этому поводу в работах по близкой тематике мы не обнаруживаем, тем не менее, в некоторых описаниях, по сути, подобный подход выявляется. В частности, в статье Т. Сандерса, на мой взгляд, была сделана, во-первых, попытка (впрочем, не явно выраженная) наметить некую типологию диспутов. Во-вторых, он выделил категорию оппонентов-«звезд», каждый из которых обладал своим искусством оппонирования. В контексте описаний им диспутов (у Сандерса – «защит») можно выделить следующие их типы: защита как «торжество науки»; защита с «эффектом скандала»; защита как политический спек-

такль (у Сандерса – «политическая мелодрама»). Во всех представленных им случаях тип защиты во многом зависел от позиции оппонентов, задававших стилю полемики ту или иную модель. К «звездам» оппонирования Сандерс безоговорочно отнес В. О. Ключевского. По талантам оппонирования он приблизил к нему известных ученых – М. М. Ковалевского (на докторском диспуте П. Г. Виноградова), В. И. Ламанского (на докторском диспуте Н. Д. Чечулина) [Сандерс: 2012, С. 181–189].

Опираясь на базу данных о диссертациях по истории и диссертантах-историках [См.: Алеврас, Гришина, Скворцов: 2016, С. 32–40], можно получить некоторую статистику участия ученых в экспертизе диссертаций. И хотя не удается выявить имена оппонентов относительно всех диссертационных диспутов, но имеющаяся информация все-таки позволяет определить активистов на этом поприще. К этой категории, несомненно,

следует отнести петербургского профессора русской истории С. Ф. Платонова, не менее 20-ти раз выступавшего в качестве оппонента на защитах – как своих учеников, так и соискателей из других российских университетов. Он же чаще всего являлся автором большинства отзывов на диссертации по русской истории, составлявшихся от имени историко-филологического факультета Петербургского университета для допуска соискателей к защите. Личный архивный фонд Платонова содержит источниковый материал по этим сюжетам. Среди московских историков более 10 раз приходилось оппонировать В. О. Ключевскому, В. И. Герье, М. К. Любавскому.

Оппонирование как полемический диалог

К первым опытам историографических наблюдений за особенностями организации диссертационных диспутов и практикам оппонирования в дореволюционных университетах следует отнести монографию М. В. Нечкиной о В. О. Ключевском. В процессе реконструкции обстоятельств защиты магистерской диссертации историка, она, со свойственной ей скрупулезностью, выяснила сложившиеся к началу 1870-х гг. правила и традиции этого элемента университетской культуры. Прочитав фрагмент ее характеристики модели/культуры диссертационного диспута: «Диссертант не знал, что скажет оппонент, предварительное вручение письменного отзыва оппонента не практиковалось. Вся защита была импровизированным диалогом диссертанта и оппонента. Сначала, как и теперь, слово предоставлялось диссертанту. Произнеся его, он не сходил с кафедры, ожидая выступления оппонента, который поднимался на другую кафедру и оглашал какое-либо свое возражение, выражал в чем-либо сомнение или задавал вопрос диссертанту. Тот должен был незамедлительно и без подготовки отвечать ему. Восхвалять работу в начале выступления считалось для оппонента непристойным, обычай разрешал ему при желании сделать это лишь в конце своего выступления» [Нечкина: 1974, С. 166].

Давнее наблюдение известного историографа, несомненно, верно: действительно, в процессе защиты диссертаций на глазах собравшейся публики осуществлялась научная коммуникация в форме полемического противостояния. Не случайно, первоначально оппонентов называли «возражателями», что подчеркивало сугубо критико-полемическое начало их функции. Критический угол зрения относительно оппонированной диссертации рассматривался как выражение способа научного оценивания и условие объективной экс-

пертизы диссертации. Но можно заметить в адрес представленной Нечкиной картины диспута, что в практиках защит оппонент нередко приоткрывал соискателю характер предполагаемых претензий. Так, например, Ключевский сам сообщил П. Н. Милюкову некие параметры диссертации, по которым он готовил замечания. Смысл «возражений» того же Ключевского на докторском диспуте В. И. Семевского также стал известен диссертанту (через третьих лиц). Тем не менее, сценарий диспута, как правило, складывался на импровизационной основе и не предполагал каких-либо «постановочных» элементов этого научного состязания. Но следует оговорить и то, что иногда оппоненты нарушали традицию полемической состязательности в диалоге с соискателем (об этом – далее).

При использовании оппонентских отзывов нельзя не учитывать, что составляемый и иногда воспроизводимый текст оппонентского выступления, в ходе диспута приобретал несколько иной формат. Оппонент должен был специально продумать, какие фрагменты отзыва преподнести в качестве основных полемических сюжетов для организации диалога с соискателем. При этом ответы защищающегося диспутанта заставляли оппонента по ходу диалога корректировать заготовленные ему вопросы и претензии. Полемическая дуэль ценилась публикой остротой критики оппонента, последовательной логикой его возражений, оригинальностью вопросов, точностью ответов соискателя и его находчивостью. Но далеко не всегда при публикации материалов диспутов воспроизводилась диалоговая форма состоявшихся прений¹. Чаще всего публиковавшаяся в прессе информация о диссертационных диспутах содержала краткое изложение общих оценочных суждений оппонентов. Можно полагать, что форма диалога воспроизводилась только при условии возникновения неформальных инициатив ведения протокольных записей диспутов². Подобный формат фиксации характерен, например, при публикации в «Историческом обозрении» материалов целого ряда диспутов, в том числе:

¹Об изданиях, воспроизводивших данный формат прений на диспуте см. в 1 части статьи: [Алеврас: 2017. С.145–161].

²Подтверждением высказанного положения является мемуарное свидетельство В. И. Пичеты, имевшего опыт публикаций собственных записей диспутов Ю.В. Готье (1913) и А. И. Яковлева (1917). Характеризуя в целом диссертационные диспуты рубежа XIX-XX вв. как события «общественного характера» и признаваясь, что «на диспутах искали живого слова, живой мысли, ибо где-нибудь в другом месте их нельзя было высказать», он добавил: «Жаль, что диспутов никто не стенографировал» [Пичета: 1989. С. 592].

А. С. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милукова, М. С. Корелина, Н. М. Бубнова; в «Научном историческом журнале» – М. Д. Присёлкова, М. А. Островской. Были и другие издания, где осуществлялись публикации протоколов диспутов, составлявших частным образом. Заметим, практики неофициального протоколирования диспутов характерны, в основном, для столичных университетов.

Изложение хода диспута посредством официальных протокольных записей в региональных университетах нередко осложняется спецификой и характером информативности источников. Примером может служить магистерский диспут известного медиевиста И. В. Лучицкого¹, работавшего в Киевском университете, но решившего защищать диссертацию в Казанском университете (1871). Реконструировать ход, результаты и самооценку «печальной истории» его защиты историографам удалось на основе использования источников различной видовой принадлежности [См.: Мягков, Хамматов: 2013, С. 292–331]. Характер документов, опубликованных к статье в виде приложения, позволяет полагать, что в ходе подготовки к защите не все необходимые требования соблюдались. Среди документов нет, например, факультетского отзыва. Отзыв первого официального оппонента медиевиста Н. А. Осокина имел устаревшее наименование – «мнение», которое использовали ещё в 1840-е гг., хотя, возможно, что это «мнение» являлось одновременно и текстом факультетского отзыва. Отсутствуют официальные сведения о выступлении назначенного вторым оппонентом – Н. А. Фирсова, являвшегося специалистом по русской истории. Только из писем Лучицкого, адресованных Д. А. Корсакову, можно реконструировать ход диспута. Лучицкий был крайне раздражен выступлениями оппонентов, упрекая их, по сути, в непрофессионализме. В одном из писем уже после диспута, в 1872 г., он сетовал о «посредственности» отзыва первого оппонента: «Нет ни системы, ни порядка, ни общего характера в возражениях <...>». «Возражения» второго оппонента характеризовались им как результат полного непонимания оппонентом его идей и подхода к изучению темы [Мягков, Хамматов: 2013, С. 322–326].

Передача общей атмосферы того или иного диспута и описание выступлений оппонентов на нем характерны как для писем, так и для дневниковых записей многих представителей россий-

ских университетов. Свидетельства дневников из названной видовой группы источников можно отнести к наиболее аутентичной информации: зафиксированная «здесь и сейчас» как актуальная на данный момент для ее создателя, она ценна своеобразным «протоколированием» происходящего события.

В ряде дневников отмечается, что нередко полемическую остроту и временную протяженность процедуре диспута задавали именно оппоненты, выступления которых, как, впрочем, и диспутанта, формально не были ограничены. Как следует из дневниковых записей Н. Н. Платоновой, на магистерском диспуте С. М. Середонина (1892), оппонент А. С. Лаппо-Данилевский выступал 1,5 часа, а С. Ф. Платонов – 1 час². Но это не было пределом. Диспуты первых десятилетий XX в. в Московском университете, некоторые из которых получили параллельное отражение у М. М. Богословского и А. Н. Савина (нередко их мнения совпадали, а впечатления дополняли друг друга) [Богословский: 2011; Савин: 2015], позволяют детализировать и их общую атмосферу, и длительность, а также самоощущения оппонентов во время полемического диалога. В частности, профессор, специалист по средневековой Англии А. Н. Савин, являвшийся первым оппонентом на магистерском и докторском диспутах медиевиста Д. Н. Егорова (1915, 1916)³, свидетельствовал, что его полемика с соискателем и в первом и во втором случае заняла не менее 2,5 часов. Чуть меньше времени на эту процедуру потребовалось другому – второму оппоненту, знатоку проблем колониционных процессов в русской истории – М. К. Любавскому, полемизировавшему с диссертантом 2 часа. В результате докторский диспут Д. Н. Егорова, состоявшийся 28 февраля 1916 г., «затянулся безобразно, больше чем на семь часов» [Савин: 2015, С. 380, 410–411]. Присутствовавший на нем М. М. Богословский также специально подчеркнул: «Диспут был длиннейшим из всех, какие я помню, начиная с 1886 года, он окончился в половине девятого, начавшись в половине второго» [Богословский: 2011, С. 151].

Интересны факты, свидетельствующие о практиках взаимодействия оппонентов накануне диспута. Так, Савин сообщил, что тема докторского диспута Егорова за неделю до защиты обсужда-

²ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 63 об. -64. См. также: [Алеврас: 2011. С. 137–140].

³Темы диссертаций Д. Н. Егорова: «Славяно-германские отношения в средние века: колонизация Мекленбурга в XIII в.» (магистерская диссертация); «Славяно-германские отношения в средние века. Т. 2. Процесс колонизации» (докторская диссертация).

¹Тема магистерской диссертации И. В. Лучицкого: «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Ч. I. От Варфоломеевской ночи до мира в Шатенуа (май 1576 г.)».

лась им со вторым оппонентом – Любавским: они познакомили друг друга с текстами отзывов. Из дневниковой записи Савина от 20 февраля 2016 г.: «Сегодня был у Любавского и читал ему свой отзыв о диссертации Егорова, довольно суровый; Любавский принял его почти без поправок. Сам он судит диссертацию даже строже меня» [Савин: 2015, С. 410].

При описании диспута Егорова Савин подчеркивал, что в длительности полемик «виноват» и соискатель, «который слишком долго отвечает на возражения и затем защищает незащитимые утверждения». Судя по контексту фиксируемых самоощущений Савина, являвшегося не очень опытным оппонентом, его весьма волновал вопрос, как он будет выглядеть перед публикой. Ему казалось, что на магистерской защите Егорова он, хотя и был с соискателем «очень любезен», но «говорил слишком долго и, кажется, скучно». К тому же к публике он стоял спиной, обратившись лицом к диссертанту: как оказалось, в аудитории его было «мало слышно» [Савин: 2015, С. 380]. На докторском диспуте он, видимо намеренно, переменял тактику. Получилась несколько комичная ситуация, описанная Богословским. Тот обратил внимание, что Савин все время говорил, «обращаясь лицом к публике, а к диспутанту неуклюже повернувшись спиной» [Богословский: 2011, С. 152]. Савин, пытаясь взять реванш в связи с неудачным, как ему казалось, оппонированием на первом диспуте Егорова, на докторской защите старался выглядеть раскованным и даже «допустил легкомысленную выходку, сказал три стиха». Неожиданно для него публика удостоила его оппонирование одобрительными хлопками, а присутствующие на защите П. И. Новгородцев и С. А. Котляревский хвалили его за тон полемики. Савин признавался что, выступая, он почувствовал уверенность перед диспутационным залом: «утратил страх перед аудиторией» [Савин: 2015, С. 411].

Очевидец происходящего – Богословский признал, что возражения Савина «были весьма основательными», но ему показалось, что он неудачно их преподнес: «они вышли у него как-то мелко-раздробленными и распыленными и потому не производили впечатления». Но стихи, вставленные в текст оппонирования, оценил, как «преуспешный» момент. Однако веселое настроение и живость оппонирования, которые Савин демонстрировал публике, а также его прямое обращение к ней в казусе с разбором географической карты, используемой диссертантом (он со смехом задал аудитории вопрос: «Господа, правда же,

здесь ломаная линия, а не прямая?»), серьезный Богословский воспринял критически. В результате активное и своеобразное поведение «достопочтенного историка» на диспуте дало ему основание применить к нему метафору «танцующего верблюда» [Богословский: 2011, С. 151–152].

В наблюдениях Богословского относительно характера оппонентских выступлений на докторском диспуте Егорова была подчеркнута роль второго оппонента – М. К. Любавского. Он, по его мнению, не только вернул диспут «к серьезному тону», но на основе обстоятельной аргументации подверг существенной критике понимание диссертантом смысла изучаемого им процесса колонизации. Содержание «возражений» второго оппонента автор дневника зафиксировал следующим емким обобщением его критики общей колонизационной картины, представленной в защищаемой диссертации: «Колонизация с колонизаторами без колонистов, неправильное понимание значения указанных в десятичном списке земельных участков, преуменьшение немецкого и преувеличение славянского элемента, наконец, какое-то идиллическое изображение тишины и спокойствия, богатства и довольства в Мекленбурге XIII в. – *rahslavica*». В то же время Богословский добавил, что Егоров «отлично защищался, ни одного возражения не оставил без контрвозражения, говорил даже чересчур обстоятельно <...>» [Богословский: 2011, С. 152–153].

Диспут без дискуссий

Традиция диссертационного диспута как формы научной полемики с соискателем во второй половине XIX – начале XX в. рассматривалась как незыблемое правило оппонирования. Отступления от него воспринимались довольно болезненно, и считалось нарушением принципов и этикета диссертационной дискуссии. Поэтому современники критически восприняли, например, ситуацию, возникшую на докторском диспуте С. К. Шамбинаго – известного историка древнерусской литературы. В декабре 1915 г. он в Московском университете защищал диссертацию «Песни времени царя Ивана Грозного».

Историки и филологи российских университетов активно посещали диспуты друг друга, тем более что тематика многих их диссертаций лежала в междисциплинарном пространстве этих двух сфер гуманитаристики. Поэтому не удивительно, что и Богословский, и Савин были на нем. Их дневниковые записи об этом диспуте удивительно схожи. Савин отметил, что Шамбинаго «сказал довольно интересную вступительную речь» [Савин: 2015, С. 403]. Но их в равной мере поразили

выступления официальных оппонентов, которые были скучны по содержанию и не соответствовали формату полемики. Между тем, оппонентами выступали довольно известные ученые – доктор (с 1899) и профессор М. Н. Сперанский – специалист в области апокрифической литературы, и А. С. Орлов, ровесник Шамбинаго, но в тот момент еще только магистр (с 1907), занимавшийся, как и диссертант, историей древнерусской литературы.

Богословский удрученно констатировал: «Сперанский был отчаянно скучен и неудачен. Читал в течение часа свои возражения, как плохой дьячок старого времени шестопсалмие, по листочкам <...>, путая их и комкая. Нельзя было уследить никакой нити <...> Естественно, что и ответ Шамбинаго был вял и бесцветен <...> Плох очень был и второй оппонент Орлов. Та же манера, как и у Сперанского, – прочесть все возражения сразу, так что *никакого обмена мнений не произошло*» (курсив мой. – Н. А.) [Богословский: 2011, С. 114]. Из дневниковых записей того и другого историка следует, что ситуацию изменил один из молодых филологов, «оставленный при университете». Им был Б. М. Соколов (сын покойного ученого-филолога профессора М. И. Соколова), окончивший университет в 1911 г. и ставший впоследствии известным литературоведом, фольклористом, этнографом. Он, как заметили оба информатора, выступая «из публики»¹, «стал с почтительным задором выставлять серьезные возражения» [Савин: 2015, С. 403], говорил он «горячо, но дельно и даже с изяществом» [Богословский: 2011, С. 114]. После этого положение соискателя и всего диспута изменилось: «Шамбинаго отвечал ему решительнее и удачнее, чем своим официальным оппонентам», – отмечал Савин, а Богословский добавил: «Только в это время и был действительно настоящий живой диспут».

Отсутствие диалоговой составляющей в ряде публикаций материалов диспутов, замеченное нами, в том числе, в неофициальных протоколах диспутов, публиковавшихся в «Историческом обозрении», предположительно может объясняться двумя причинами. Либо диалоги не состоялись, как в вышеприведенном примере, либо ход диспута не протоколировался, а для публикации были представлены лишь материалы выступлений соискателя (речь перед диспутом) и краткое содержание оппонентских отзывов.

Само собой разумеется, что отдельные примеры диспутов и особенностей оппонирования

не имеют универсальной основы и характера. Формирование той или иной атмосферы диспута и специфика оппонирования диссертаций могли получать разную степень содержательного выражения: одни отличались высокой подготовкой соискателя и блеском выступлений оппонентов, что вызывало повышенный к ним интерес, другие были скучны и рутинны, третьи выливались в скандальные истории, четвертые проходили ordinarily. Но, как правило, диссертация, изначально получавшая положительный факультетский отзыв в лице того или иного эксперта, утверждалась факультетом путем обсуждения или даже голосования.

Корпус оппонентов, выполнявший экспертные функции, одновременно обеспечивал принцип публичности диссертационных диспутов: он определял не только научное качество диссертации, но и выступал транслятором принципов и методов ведения научных полемик. Характер оппонирования мог стать основой формирования репутации и научного имиджа – как соискателя ученой степени, так и самого «возражателя».

Содержание и манера преподнесения оппонентских «возражений», несомненно, отличались индивидуальным почерком исполнителя. Учитывая это, тем не менее, можно говорить о неких общих особенностях стилей оппонирования представителей различных научных школ или факультетов университетов. Отмеченный выше опыт Т. Сандерса может стать отправной точкой для развития темы о типологизации интересующих нас явлений. Вместе с тем, разработку метода типологизации, даже применительно к отдельным совокупностям выступлений оппонентов (например, в рамках традиций той или иной научной школы или того или иного историко-филологического факультета), следует признать отдельной задачей. Её решение поставим в перспективу наших исследований, а в данном случае рискнем обратиться к опыту одного из лидеров историко-филологического факультета Московского университета – В. О. Ключевского, несмотря на то что его ампула оппонента не раз уже в том или ином ракурсе привлекало внимание исследователей.

Фигура известного историка, отнесенного Т. Сандерсом к звездам оппонирования, несомненно, выделялась в среде современников-коллег способностью привлекать к себе слушателей не только на его знаменитых лекциях, но и на диссертационных диспутах. «Историк-художник», как Ключевского иногда называли, умел свои выступления на диспутах преподнести в рамках задуманного им сценария – и в этом он

¹Выступления «из публики» можно отнести к типу неофициального оппонирования.

был неповторим. Известно, что в Московском университете на диспуты историков часто приходили, чтобы послушать именно его оппонентские «возражения».

К вопросу о моделях оппонирования: опыт Ключевского

По свидетельствам А. А. Кизеветтера, Ключевский прослыл оппонентом, имеющим свой стиль ведения диспута: то превращая полемическую дуэль с соискателем в «игру кошки с мышкой», то задавая диссертанту «порядочную головомойку». Критический взгляд Ключевского-оппонента на сочинение соискателя раскрывался во всем блеске игры его интеллекта и эрудиции. Но если защищаемый труд он по тем или иным параметрам оценивал низко или воспринимал критически, то не щадил самолюбия соискателя.

Вспоминая о своем магистерском диспуте, А. А. Кизеветтер дал однозначное (с комплиментарным оттенком в адрес учителя) объяснение факту большого скопления людей на защите своей диссертации: «<...> конечно, главной приманкой было то, что официальным оппонентом должен был выступить Ключевский, а ведь слушать, как диспутирует Ключевский было величайшим наслаждением для тонких ценителей научных споров» [Кизеветтер: 1997, С. 197, 200].

Но, в отличие от типичной тактики, свойственной ему, оппонирование Ключевским на диспуте самого Кизеветтера приобрело иную модель экспертного оценивания диссертации соискателя. Это был редкий случай в практике оппонирования Ключевским диссертации, уровень которой изначально оценивался им высоко. Тон ведения данной полемики, вспоминал Кизеветтер, «ясно давал понять всем присутствующим, что он признает в своем ученике собрата по науке» [Кизеветтер: 1997, С. 197].

Ключевский находил и другие способы выразить свое удовлетворение работой подопечных, если труд имел оригинальную основу и был выполнен качественно. Выступая, в частности, неофициальным оппонентом на магистерском диспуте М. М. Богословского (1902)¹, он уже после защиты – в речи на диспутационном обеде в честь соискателя признавался, что диссертации его учеников – Н. А. Рожкова² и М. М. Богослов-

ского заставляют его «пересматривать» страницы учебного курса по русской истории. Богословский с удовлетворением резюмировал: «Это было открытое и весьма лестное признание нашей научной деятельности» [Богословский: 1987, С. 56].

Оппонирование Ключевского на диспуте Милюкова

Особое место в оппонентской стезе Ключевского, несомненно, имел диспут его ученика П. Н. Милюкова. Диспут, которому уже предшествовала размолвка учителя и ученика, явился поистине драматическим событием для того и другого: диспутанты в момент защиты убедились, что прежние трения переросли в конфликт, грозивший разрыву отношений. Учитель даже не был приглашен новоиспеченным магистром на диспутационный ужин! Об этом Милюков писал в воспоминаниях. Среди современников оппонирование Ключевского получало различные, иногда диаметрально противоположные оценки. Сюжет с диспутом Милюкова не раз привлекал внимание ученых [Макушин, Трибунский: 2001, С. 45–76; Гришина: 2010, С. 97–102], но в историографии также нет единства толкования ситуации и оценивания позиций диспутантов в развернувшемся противоборстве.

Не погружаясь во все детали диспута (хотя все же надо заметить, что сам его ход, воспроизведенный протокольными записями В. Н. Сторожева, до сих пор еще не подвергнут доскональной текстуальной «расшифровке» и интерпретации), сделаем в данном случае еще одну попытку определить специфику оппонентского выступления на нем известного историка.

Милюков признавал в Ключевском «сильного оппонента» [Милюков: 1991, С. 107], но в ситуации напряженных с ним отношений, вероятно, ничего хорошего для себя в его «возражениях» не ожидал. Предполагавший сразу защитить диссертацию как докторскую (минуя магистерскую), 33-летний Милюков, строивший планы укрепления своего научного и карьерного статуса в университете, с обидой воспринял позицию Ключевского, отвергшего возможность такого варианта защиты. Это не могло не наложить отпечаток на характер и стиль полемики в ходе диспута и на особенности «возражений» Ключевского.

Создавая факультетский отзыв и рекомендуя работу Милюкова к защите как магистерскую (а не докторскую) диссертацию [Ключевский: 1959, С. 177–183], Ключевский дополнительно

¹Магистерская диссертация М. М. Богословского называлась: «Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг.».

²Защита магистерской диссертации Н. И. Рожкова состоялась в мае 1900 г. Именно ему Ключевский, выступая оппонентом, устроил «головомойку», разбирая недостатки диссертации. Тем не менее, это не помешало ему в 1904 г. при помощи своего отзыва номинировать диссертационное ис-

следование Рожкова на премию имени С. С. Уварова. [См.: Ключевский: 1959. С. 368–389].

готовился к роли оппонента¹, тщательно изучая и неоднократно перепроверяя статистические показатели представленных в диссертации многочисленных таблиц. При этом он, как это иногда делали и другие оппоненты, предварительно уведомил Милюкова относительно каких разделов диссертации, он собирается с ним дискутировать [См.: Макушин, Трибунский: 2001, С. 69].

Стиль оппонентского выступления Ключевского сам Милюков квалифицировал как «систему высмеивания» [Милюков: 1991, С. 107] – прежде всего статистической информации, обильно представленной в диссертации. Ключевский, самолюбие которого было задето амбициозной позицией Милюкова как ученика, действительно выбрал резко-наступательную тактику диалога, ориентированную на выражение недоверия, как к фактическому материалу диссертации, так и к ряду оценочных суждений и наблюдений Милюкова.

Обе стороны, надо полагать, чувствовали себя в ходе диспута некомфортно. Милюкову приходилось постоянно отбиваться от необоснованных, как он считал, претензий Ключевского. Делал он это в сухой, но резкой манере их лаконичных отклонений. Ключевский же, взяв задуманный полемический стиль, в довольно пространной форме сосредоточился на критике аспектов диссертации, занимавших, если не периферийное, то далеко не центральное место в ее содержании. Придерживаясь взятой линии критики, он, по сути, оставил в стороне рассмотрение главных идей и концептуальных выводов диссертации. Свое выступление оппонент начал весьма общим обозначением двух «главных черт» исследования: с одной стороны, он признавал «важность отдельных вопросов» (не обозначая, впрочем, каких именно); с другой стороны, подчеркивал «осторожность, с какою разрешает их автор».

Критические замечания выражались Ключевским полунамеками, с частыми повторами мысли, иногда слишком абстрактно сформулированными определениями, что в некотором отношении может свидетельствовать о состоянии психологического дискомфорта, особенно заметного в стартовой части его оппонирования. Прочитав начальные фрагменты выступления Ключевского, запротоколированные В. Н. Сторожевым: «<...> Эта осторожность усиливается по мере успеха в разрешении известных вопросов, так что иногда читатель, внимание которого было возбуждено первыми несмелыми шагами в решении задачи, не видит последних. Вы не всегда договариваете то, что утверждаете <...> т.е., не всегда договари-

ваете свои выводы <...> Вы не всегда утверждаете прямо то, что доказываете. Благодаря этому, Вы идете к цели обыкновенно смелее, чем подходите; поэтому читатель, приближаясь вместе с Вами к выводу известной сложной аргументации, здесь именно чувствует, что Вы его покинули и часто должен сам договаривать Вашу мысль; это, конечно, для него затруднительно, ибо он от самого автора желал бы видеть последний вывод так прекрасно начатой мысли. *Ваша книга более нуждается в комментариях, чем в возражениях...*» (курсив источника. – Н. А.)².

Если доверять протоколу диспута (будем иметь в виду, что Сторожев при публикации материалов диспута приносил извинения за неточно переданное содержание его записей), подобный текст вряд ли до конца был ясен аудитории, но он выглядел явно критично и недоброжелательно в отношении к Милюкову. Сочувствующие ему, подобную позицию Ключевского не одобрили. С. К. Богоявленский, в то время – 20-летний студент, впоследствии оказавшийся в родстве с Милюковым, в воспоминаниях, относящихся уже к 1946 г., свидетельствовал, что «Ключевский обычно блистал на диспутах, но на этот раз он чувствовал некоторую пришибленность, ему было не по себе». Он же подчеркнул, что «когда Ключевский кончил говорить, раздалось несколько свистков, а обычных аплодисментов не было» [Воспоминания С. К. Богоявленского: 1981, С. 311].

Другой молодой современник – петербургский студент выпускного курса – А. Е. Пресняков – посетил диспут, будучи командированным в московские архивы с целью работы над рукописью «Царственной книги». Он уже был знаком с Милюковым и проникся к нему уважением. Интерес к московским диспутам привел его сначала на защиту М. С. Корелина, потом – Милюкова. О своих впечатлениях он сообщал в письмах матери. В результате можно сравнивать восприятия адресантом этих двух диссертационных событий. Если о диссертации и защите Корелина, который получил докторство, минуя магистерство, Пресняков отзывался довольно пренебрежительно (в диссертации много «воды и избитых общих мест», а «вытянул его Герье, который его очень любит»), то иное отношение он выразил к Милюкову. О нем он писал: «... в точке зрения Милюкова столько нового, что со старых точек зрения его и оценивать нельзя». Лаконичная эпистолярная запись о диспуте Милюкова обычно словоохотливого Преснякова может свидетельствовать о глубоком чувстве неудовлетворенности от это-

¹См.: НИОР РГБ. Ф. 131. П. 14. Д. 21. Л.1-11.

²Историческое обозрение, 1892. Т. 5. С. 208.

го события: «... был я на диспуте Милюкова и остался недоволен, потому что от него требовали того, чего он не думал давать, упрекали, что он не ответил на вопросы, которые он не ставил в своей работе». Ясно, что автор письма выражал, прежде всего, критическое отношение к позиции и характеру оппонирования Ключевского; он же заметил, что «факультетский отчет»¹ о книге Милюкова «звучал каким-то укором, по-моему, несправедливо» [Александр Евгеньевич Пресняков: 2005, С. 34, 35, 37].

Специально приехавший на диспут Милюкова С. Ф. Платонов стал, несомненно, наиболее компетентным информатором об этом событии в среде научного сообщества Петербургского университета. На основе его впечатлений супруга историка – Н. Н. Платонова сделала запись о диспуте Милюкова и оппонировании на нем Ключевского в своем дневнике. Она засвидетельствовала о «тяжелом впечатлении» от этого события и «возмущении» Платонова тоном и характером оппонирования известного историка. Н. Н. Платонова записала, что «сам диссертант держался прекрасно, и публика во время диспута отнеслась к нему с большой симпатией. Но оппоненты Ключевский и Якушкин <...> не удовлетворили С. Ф.: второй был слаб, а первый бесконечно равнодушен, холоден к диспутанту, как будто это не ученик его, а человек совершенно посторонний» [Цит.: Ростовцев: 2017, С. 178].

Присутствовавший на диспуте И. А. Линниченко, в то время приват-доцент Московского университета, полагая, что Ключевский обладал «особенным талантом изводить диспутаната», заметил в стиле каламбура, что на диспуте Милюкова оппонент «час с четвертью говорил о живущей четверти» [Линниченко: 2016, С. XLI]. Действительно, в оппонентском выступлении дискутировавшаяся в то время интерпретация смысла понятия «живущая четверть» заняла одно из центральных мест. По поводу этого – до сего времени сложного вопроса, порожденного особенностями писцового делопроизводства – сам диссертант, как известно, немало писал в своей рецензии на диссертацию А. С. Лаппо-Данилевского [См.: Милюков: 1892], ставшей основой присуждения последнему академической премии им. С. С. Уварова. Концентрация внимания оппонента к этой, далеко не ведущей в диссертации самого Милюкова теме, как можно полагать, не могла не вызвать некоторое недоумение у аудитории диспута и досаду у соискателя. Масса других сюжетов полемики – по

поводу бюджета, переписей населения и пр. погрузила диспутантов в бескрайнее пространство статистических наблюдений соискателя. В конечном итоге претензии Ключевского были признаны Милюковым мелкими и необоснованными, что он подчеркнет в воспоминаниях. Систему вопросов Ключевского он назовет «профанацией, рассчитанной на внешнее впечатление» [Милюков: 1991, С. 107].

На диспуте Милюкова Ключевский соединил различные способы своего ведения полемики: здесь и «игра кошки с мышкой», и элементы «головомойки», и методы использования иронии в оценивании научных достижений автора. Это, в частности, просматривается в историографических акцентах его оппонирования, призванных, по сути, принизить роль автора в изучении предложенной к защите проблемы. По данному поводу между диспутантами возникла тема о вкладе предшественников – Н. Г. Устрялова и С. М. Соловьева в изучение реформ Петра I, на фоне которых, по сути, надо было определить значение роли Милюкова как самостоятельного современного историка. Ключевский при оппонировании как бы не заметил этой роли, настаивая на значении «соловьевского изображения реформы». В совокупности всех претензий Ключевского Милюков почувствовал себя и высмеянным, и оскорбленным. Впоследствии, как известно, последовало примирение, и ученик напишет о Ключевском один из лучших о нем посмертных очерков. Однако диспут как факт биографии, где и соискатель выглядел не с лучшей стороны, выбрав еще до защиты бескомпромиссную тактику противостояния учителю, а также довольно грубый прием не приглашения его на диспутационный ужин, оставался, вероятно, для Милюкова болезненной темой. Может быть поэтому вспоминать диспут в деталях как фрагмент жизненной ситуации ему не очень хотелось: этот сюжет его воспоминаний весьма лаконичен.

Оппонирование Ключевского на докторском диспуте Семевского

Определенной лакуной выглядит более ранняя по времени история с защитой докторской диссертации (1889) и в мемуарных «набросках» В. И. Семевского [Семевский: 1917, С. 7–49]. Как известно, первым оппонентом на ней также выступал Ключевский. Если предыдущий опыт их дискутирования на защите Семевским магистерской диссертации (1882) внешне прошел благополучно для соискателя, что вызвало подробную ее фиксацию в автобиографии историка, то ситуация с его докторским диспутом выглядела иной.

¹Имелся в виду факультетский отзыв о диссертации.

Отзыв Ключевского, написанный от имени факультета о диссертации петербургского историка был довольно суров: соискатель в его глазах выглядел беспомощным в постановке задач работы, определении границ своего предмета, допускал алогичность структурирования исследования, вместо «исторической оценки» сбивался на «моралистические обличения» и «политические оценки». И только «редкое трудолюбие автора» по сбору «обильного запаса данных» стало основанием для рекомендации диссертации к защите [Ключевский: 1990, С. 271–276].

В набросках к оппонентскому выступлению¹ Ключевский, фактически, констатировал отсутствие способностей у диссертанта к процедурам научной обработки и обобщения многообразного источникового материала исследования. Знакомство с архивным текстом оригинала набросков к оппонированию убеждает, что Ключевский вынужденно сбивался на назидательный и объясняющий стиль рецензирования, напоминающий поучения мэтра науки слабому ученику. Он писал, обобщая свои наблюдения: «Что дает книга? Хронологически-библиографическое изложение мнений по крестьянскому делу и беллетристические изображения крестьянского быта с летучими этическими замечками о них и выговорами их авторам за недостаток свободомыслия, да краткие перечни законодательных мер по этому делу с такими же прибавками – вот и все» [Ключевский: 1990, С. 432].

Впечатления от докторского диспута Семевского и манеры ведения полемики Ключевским оставил М. С. Корелин в письме Н. И. Карееву. Он сообщал адресату, что диспут превратился в «...настоящий триумф: толпа устраивала овацию, а Ключевский от лица факультета² спел одну из самых ехиднейших песенок...». Из контекста письма ясно, что метафора «триумф» имела от-

¹См.: НИОР РГБ. Ф.131. П. 14. Ед. хр. 17. Л. 1-13.

²В. О. Ключевский на момент диспута являлся деканом историко-филологического факультета. Находясь в этой должности, он на диспуте выполнял сразу три функции: руководил ходом защиты, знакомил аудиторию с содержанием факультетского отзыва, им самим составленного по поручению факультета, наконец, он же выступал в роли первого официального оппонента. Вторым оппонентом являлся В. Е. Якушкин.

ношение исключительно к оппоненту: «Возражение Ключевского, совершенно уничтожающее по существу, было превосходно задумано, но не вполне удачно выполнено. Его смысл был таков: не зная, что такое крепостное право, нельзя написать его критической истории, а Семевский не имеет о нем ясного представления. Ключевский начал с долгого и утомительного экзамена, чтобы доказать последний пункт <...>».

Положение соискателя, к которому Корелин, не разделяя его общественно-политических взглядов, относился подчеркнуто недружественно, показано полным контрастом позиции оппонента. Автор письма сообщал адресату: «Друзья вашего ученого передали ему характер возражений и общее их содержание – поэтому он в весьма длинном вступлении весьма пошло – радикального пошиба старался доказать, что его труд великое произведение, а его противники злонамеренные реакционеры». Но по мере «возражений» Ключевского «диспутант незаметно для публики и с торжествующею улыбкой окончательно провалился; тогда оппонент заявил, что его книга представляет собою историю таинственного незнакомца»³. Дополнительную деталь к истории диспута Семевского содержат воспоминания И. А. Линниченко, засвидетельствовавшего, что на устроенном после защиты диспутационном обеде В. О. Ключевского не было: «Не помню уж, отказался ли он от приглашения, или В. И., не совсем довольный его выражениями, не пригласил его» [Линниченко: 1916, С. XLI].

Модель оппонирования в данном случае в общей своей постановке напоминает то, что Ключевский несколько позже сценарно реализует относительно линии ведения полемики на диспуте Милюкова. Конечно, перед ним были два абсолютно разных историка – по методологии, взглядам и своим научным потенциалам. Можно предполагать, что Семевский недостатками своей работы мог изрядно раздражать и, может быть, даже возмущать Ключевского. Поэтому в основу своей оппонентской тактики он положил, наряду

³НИОР РГБ. Ф. 119. К.16. Ед. хр. 35-44. Л. 3-3 об. (Благодарю профессора Т. Н. Иванову за предоставление информации о данном письме М. С. Корелина).

со своими традиционными приемами, еще и крайние способы критических оценок, близких к изобличению, лежащему в пространстве сатиры и сарказма. В случае же с Милюковым используемый им набор приемов был более щадящим: оппонент все же не вышел за пределы позиции критика, склонного опираться на проявление иронии в адрес диссертанта.

В результате этих двух диссертационных казусов Ключевский-оппонент оказался лишенным банкетного продолжения диспутов, на которых обычно блистал остроумием. Так или иначе психологический дикомфорт пережили и оппонент, и диссертанты. Мы же можем продолжать задаваться ри-

торическим вопросом: ну разве магистерская диссертация П. Н. Милюкова не могла быть защищена как докторская, если сопоставлять претензии Ключевского-оппонента к двум диссертациям – Милюкова и Семевского, а также сравнивать методологическое оснащение этих двух трудов?

Этот риторический вопрос отражает непростую ситуацию в выборе любым оппонентом своей тактики оценивания труда соискателя и стилистики выражения мнения о диссертации. Несомненно, смысловая основа выступления оппонента опиралась, прежде всего, на систему его научных убеждений. Но оппоненту приходилось учитывать и различные ситуативные моменты, связанные со статусом диссертанта, претендую-

щего встать в ряды научного сообщества, и характером межличностных отношений с ним.

В историях жестких оппонирований Ключевского дополнительно срабатывал фактор психо-эмоционального восприятия им личностей соискателей. Он, имевший богатый опыт строгого самовоспитания себя как ученого, был весьма чувствителен к поведенческим мотивациям соискателя, если они выходили за границы либо этических правил (случай Милюкова), либо не соответствовали тому научному уровню, на который они претендовали (случай Семевского). В таких ситуациях оппоненты (случай Ключевского), допускали резко-отрицательные оценки диссертаций соискателей, подводившие диспутантов к грани конфликта.

(Продолжение следует)

Список литературы

1. Алеврас Н. Н. Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск, 2011.
2. Алеврас Н. Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX – начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Часть I. Институты экспертизы диссертаций // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 145–161. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2017/Alevras.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
3. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В., Скворцов А. М. К созданию коллективного портрета историков соискателей ученых степеней в России XIX – начала XX в.: разработка базы данных и предварительный анализ // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX-начале XXI в. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань: Казанский университет, 2016.
4. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. 967 с.
5. Богословский М. М. Дневники 1913–1919. Из собрания государственного исторического музея. М.: Время, 2011. 800 с. с ил.
6. Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. (Научное наследие). М.: «Наука», 1987.
7. Воспоминания С. К. Богдавленского о В. О. Ключевском // Археографический ежегодник за 1980 г. М.: Изд-во «Наука», 1981.
8. Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.
9. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М.: «Искусство», 1997. 396 с.
10. Ключевский В. О. Отзыв о исследовании Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» // В. О. Ключевский. Сочинения. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959.
11. Ключевский В. О. Отзыв о исследовании П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII в. и реформа Петра Великого» // В. О. Ключевский. Сочинения. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959.
12. Ключевский В. О. Отзыв об исследовании В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.» // Сочинения в девяти томах. Том VIII. Статьи. М.: «Мысль», 1990.
13. Ключевский В. О. Комментарии. Отзыв об исследовании В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.» // Сочинения в девяти томах. Том VIII. Статьи. М.: «Мысль», 1990.

14. Линниченко И. А. Из воспоминаний // *Голос минувшего*. 1916. № 10.
15. Макушин А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. 439 с. с ил.
16. Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
17. Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: рецензия на сочинение А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб, 1892. 183 с.
18. Мягков Г. П., Хамматов Ш. С. «Печальная история моего диспута», или как состоялась «лучшая страница в моей жизни»: Казань в научной судьбе И. В. Луцицкого // *Мир историка: историографический сборник* / под ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. Вып. 8. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013.
19. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Изд-во «Наука», 1974. 638 с.
20. Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // *Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917)*. М.: «Современник», 1989.
21. Ростовцев Е. А. В. О. Ключевский и петербургская историческая школа на рубеже XIX–XX вв. // В. О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.
22. Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / А. Н. Савин; отв. ред. А. К. Гладков; публ., вступ. ст. А. В. Шаровой. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 524 с.
23. Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / перевод статьи с англ. А. В. Антощенко // *Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр.* / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
24. Семевский В. И. Автобиографические наброски // *Голос минувшего*. 1917. № 9-10.

Сведения об авторе

Алеврас Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия.
vhist@mail.ru

Magistra Vitae.
2018. No 1. P. 186–198.

THE EXPERIENCE AND TRADITIONS OF OPPONENCY IN RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE SECOND HALF OF THE SIXTH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY (FROM THE DISSERTATIONAL PRACTICE OF HISTORIANS) PART 2. CULTURE AND MODELS OF OPPONENCY (Continued)

N. N. Alevras

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vhist@mail.ru

Through continuing the study of opponency experience, the author attempts to look at the opponency procedure as a phenomenon of the university culture and to investigate the practices of dissertation examination. The article deals with the traditions of organising the public defence of dissertations as dialogue about the dissertationist's ideas that are typical for Russian universities. The opponent functions as the active agent of discussion, defining a certain model of the academic dialogue scenario. The opponency experience of a renowned historian, V. O. Klyuchevskiy at various public defence procedures is analysed; His models and tactics of opponency are defined. The bases of study are the minutes of several public defence procedures, created and published at the discretion of the members of academic community. Personal sources, such as diaries and correspondence of historians reflecting their memories of public defence procedures, were also considered.

Keywords: *opponent, public defence of dissertations, university culture, V. O. Klyuchevskiy, public defence minutes.*

References

1. Alevras N. N. (2011) Dissertatsionnyy disput kak sobytie i traditsiya universitetskogo byta vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Public defense of dissertation as an event and tradition of university life in the second half of the XIXth century and the beginning of the XXth century], in: *N. N. Alevras, N. V. Grishina and Yu. V. Krasnova (editors) Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII–XXI vv.: sb. statey* [History and Historians in the Sphere of National and World Culture of the 18th–21st Centuries: Sat. articles]. Chelyabinsk (in Russ.).
2. Alevras N. N. (2017) Opyt i traditsii opponirovaniya dissertatsiy v rossiyskikh universitetakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka (iz dissertatsionnoy praktiki uchenykh-istorikov). Chast' I. Instituty ekspertizy dissertatsiy [The experience and traditions of opponency in Russian universities in the second half of the XIXth century and the beginning of the XXth century (from the disserational practice of historians). Part I. Dissertation examination institutes], in: *MagistraVitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [MagistraVitae: an electronic journal on historical sciences and archeology]. No. 2, pp. 145–161, URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2017/Alevras.pdf, accessed 15.01.2018 (in Russ.).
3. Alevras N. N., Grishina, N. V. and Skvortsov, A. M. (2016) K sozdaniyu kollektivnogo portreta istorikov soiskateley uchenykh stepeney v Rossii XIX – nachala XX vv.: razrabotka bazy dannykh i predvaritel'nyy analiz [About the creation of collective portrait of historians applying for academic degrees in Russia in XIX – early XX century: the development of a database and preliminary analysis], in: *Uchitel' istorii v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii v kontse XX – nachale XXI v.* [History teacher in the sociocultural space of Eurasia in the late XX–early XXI century. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Kazan, Kazanskiy universitet (in Russ.).
4. Aleksandr Evgen'evich Presnyakov. (2005) *Pis'ma i dnevniki. 1889–1927* [Aleksandr Yevgenyevich Presnyakov. Letters and Diaries. 1889–1927]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 967 p. (in Russ.).
5. Bogoslovskiy M. M. (2011) *Dnevniki 1913–1919. Iz sobraniya gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Bogoslovski M. M. Diaries 1913–1919. From the collection of the State Museum of History]. Moscow, Vremya, 800 p. with pics. (in Russ.).
6. Bogoslovskiy M. M. (1987) *Istoriografiya, memuaristika, epistolyariya (Nauchnoe nasledie)* [Bogoslovskiy M. M. Historiography, memoirs, correspondence. (Academic Legacy)]. Moscow, Nauka (in Russ.).
7. Vospominaniya S. K. Bogoyavlenskogo o V. O. Klyuchevskom (1981) [The recollections of S. K. Bogoyavlenski about V. O. Klyuchevski], in: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1980 g* [The Yearbook of Archaeology of 1980]. Moscow, Nauka (in Russ.).
8. Grishina N. V. (2010) «*Shkola V. O. Klyuchevskogo*» v istoricheskoy nauke i rossiyskoy kul'ture [The scholarly tradition of V. O. Klyuchevski in historical studies and Russian culture]. Chelyabinsk, Entsiklopediya, 288 p. (in Russ.).
9. Kizeveter A. A. (1997) *Na rubezhe dvukh stoletiy. Vospominaniya 1881–1914* [At the border of two centuries. Memoirs of 1881–1914]. Moscow, Iskusstvo, 396 p. (in Russ.).
10. Klyuchevskiy V. O. (1959) Otzyv o issledovanii N. A. Rozhkova «Sel'skoe khozyaystvo Moskovskoy Rusi v XVI v.» [The comment on N. A. Rozhkov's Agriculture in Muscovy in the XVIth century], in: *V. O. Klyuchevskiy. Sochineniya. V. VIII. Issledovaniya, retsenzii, rechi (1890–1905)* [V. O. Klyuchevski. Writings. Studies, reviews, speeches (1890–1905)]. Moscow, Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury (in Russ.).
11. Klyuchevskiy V. O. (1959) Otzyv o issledovanii P. N. Milyukova «Gosudarstvennoe khozyaystvo Rossii v pervuyu chetvert' XVIII v. i reforma Petra Velikogo» [Comment on P. N. Milyukov's State Economy in Russia during the first quarter of the XVIIIth century and the reform of Peter the Great], in: *V. O. Klyuchevskiy. Sochineniya. V. VIII. Issledovaniya, retsenzii, rechi (1890–1905)* [V. O. Klyuchevski. Writings. Studies, reviews, speeches (1890–1905)]. Moscow, Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury (in Russ.).
12. Klyuchevskiy V. O. (1990) Otzyv ob issledovanii V. I. Semevskogo «Krest'yanskiy vopros v Rossii v XVIII i pervoy polovine XIX v.» [Comment on V. I. Semevski's Peasant Issue in Russia in the XVIIIth century and the first half of the XIXth century], in: *Sochineniya v devyati tomakh* [Writings in nine volumes], Volume VIII. Stat'i [Articles]. Moscow, Mysl' (in Russ.).

13. Klyuchevski V. O. (1990) Kommentarii. Otzyv ob issledovanii V. I. Semevskogo «Krest'yanskiy vopros v Rossii v XVIII i pervoy polovine XIX v.» [Commentaries. Comment on V. I. Semevski's Peasant Issue in Russia in the XVIIIth century and the first half of the XIXth century], in: *Sochineniya v devyati tomakh* [Writings in nine volumes], Volume VIII. Stat'i [Articles]. Moscow, Mysl' (in Russ.).
14. Linnichenko I. A. (1916) Iz vospominaniy [From memoirs], in: *Golos minuvshogo* [The voice of the past]. No. 10 (in Russ.).
15. Makushin A. V. and Tribunskiy P. A. (2001) *Pavel Nikolaevich Milyukov: trudy i dni (1859–1904)* [Pavel Nikolayevich Milyukov: works and days (1859–1904)]. Ryazan, 439 p. with pics. (in Russ.).
16. Milyukov P. N. (1991) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Politizdat, 528 p. (in Russ.).
17. Milyukov P. N. (1892) *Spornye voprosy finansovoy istorii Moskovskogo gosudarstva: retsenziya na sochinenie A. S. Lappo-Danilevskogo «Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve»* [Controversial issues of financial history of Muscovite state: a review of A. S. Lappo-Danilevskiy's The Arrangement of Direct Taxation in Muscovite State]. Saint Petersburg, 183 p. (in Russ.).
18. Myagkov G. P. and Khammatov Sh. S. (2013) «Pechal'naya istoriya moego disputa», ili kak sostoyalas' «luchshaya stranitsa v moey zhizni»: Kazan' v nauchnoy sud'be I. V. Luchitskogo [‘A sad story of my public defense’ or how the ‘best part of my life’ went: Kazan in the academic life of I. V. Luchitskiy], in: *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [The world of historian: a historiography collection]. Edited by V. P. Korzun, S. P. Bychkova, no. 8. Omsk, Omskiy gosudarstvennyi universitet (in Russ.).
19. Nechkina M. V. (1974) *Vasilii Osipovich Klyuchevskiy. Istoriya zhizni i tvorchestva* [Vasilii Osipovich Klyuchevskiy. The history of life and work]. Moscow, Nauka, 638 p. (in Russ.).
20. Picheta V. I. (1989) Vospominaniya o Moskovskom universitete (1897–1901 gg.) [The memoirs of Moscow University (1897–1901)], in: *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1755–1917)* [Moscow University in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Sovremennik (in Russ.).
21. Rostovtsev E. A. (2017) V. O. Klyuchevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola na rubezhe XIX–XX vv. [V. O. Klyuchevskiy in Saint Petersburg historical school at the turn of the XXth century], in: *V. O. Klyuchevskiy: vospominaniya i issledovaniya* [V. O. Klyuchevskiy: memories and studies]. Edited by A. V. Malinov, Saint Petersburg, Polytechnicheskii universitet (in Russ.).
22. Savin A. N. (2015) *Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917* [University business. The Diary of 1908–1917]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 524 p. (in Russ.).
23. Sanders T. (2012) Tretiy opponenent: zashchity dissertatsiy i obshchestvennyy profil' akademicheskoy istorii v Rossiyskoy imperii [The third opponent: dissertation defense procedures and public profile of academic history in the Russian Empire], in: *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovanie predstavleniy o proshlom: kollekt. monogr.* [The history culture of imperial Russia: shaping the conception of the past: a joint monograph]. Edited by A. N. Dmitriyev, Moscow, Vysshaya Shkola Ekonomiki (in Russ.).
24. Semevskiy V. I. (1917) Avtobiograficheskie nabroski [Autobiographical outlines], in: *Golos minuvshogo* [The voice of the past]. No. 9-10 (in Russ.).